

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

13 НОЯБРЯ.

№ 46

1911 ГОДА.

С Л О В О

по случаю двухсотлѣтняго юбилея со дня рожденія Михаила Васильевича Ломоносова ¹⁾.

Сегодня мы собрались, братіе, въ храмъ Божій вмѣстѣ съ дѣтьми, учениками начальной школы, чтобы молитвенно помянуть и помянуть добрымъ словомъ первоначальника русской науки, Михаила Васильевича Ломоносова.

Михаилу Васильевичу исполнилось 200 лѣтъ со дня его рожденія и 146 лѣтъ со дня его смерти.

Время не изгладило памяти славнаго русскаго челоуѣка и не изгладитъ, пока будетъ существовать Россія.

О славныхъ мужахъ еще въ ветхомъ завѣтѣ сказано, что *премудрость ихъ повѣдятъ людіе, и похвалу ихъ исповѣтъ церковъ* (Сир. 44, 14).

¹⁾ Произнесено въ Благовѣщенскомъ Соборѣ Митрофанова монастыря, при Архіерейскомъ служеніи.

Повѣдаемъ-же о Михаилѣ Васильевичѣ, —этомъ славномъ, поистинѣ премудромъ мужѣ, воздадимъ ему похвалу, и изъ воспоминаній о его жизнедѣятельности извлечемъ для себя урокъ и назиданіе.

Михаилъ Васильевичъ родился въ Архангельской губерніи, въ селѣ Денисовкѣ, Холмогорскаго уѣзда. Отецъ его былъ крестьянинъ, рыбакъ. Михаилъ Васильевичъ былъ единственный сынъ у отца. Когда онъ подросъ, отецъ часто бралъ его на рыбную ловлю. На утломъ челнѣ они вдвоемъ отважно пускались въ Бѣлое море и океанъ. Суровая сѣверная природа, часто захватывавшія ихъ бури, разныя трудности и неудачи рыбныхъ промысловъ закалили духъ и тѣло юнаго охотника, сдѣлали его предпріимчивымъ; а великолѣпныя виды сѣверной природы, чудное сѣверное сіяніе, громадныя и причудливыя формы глыбъ льда на океанѣ производили на мальчика сильное впечатлѣніе и рано развили въ немъ любознательность. Ему хотѣлось понять все видѣнное и разгадать: отчего это? почему? для чего?

Достигши 16-лѣтняго возраста, Михаилъ Васильевичъ почувствовалъ неодолимое желаніе выучиться грамотѣ. Но тутъ явились препоны. Родная мать его умерла. — Она была изъ духовнаго званія, дочь діакона. — Отецъ женился во второй разъ. Мачеха была женщина не хорошаго нрава. Она крѣпко не взлюбила пасынка, —всячески бранила его и преслѣдовала, особенно за его затѣю учиться грамотѣ. Чтобы не раздражать мачехи, Михаилъ Васильевичъ сталъ украдкой ходить къ приходскому дьячку, и въ два года такъ овладѣлъ грамотой, что хорошо, —внятно и вразумительно читалъ и сладостно пѣлъ на клиросѣ; полюбилъ онъ чтеніе книгъ, особенно любилъ читать прологи и житія святыхъ, и что прочитаетъ, своими словами толково расскажетъ другимъ. Разыскивая книги для чтенія, онъ напалъ на одну хорошую книгу, —псалтирь въ стихахъ Сүмеона Полоцкаго.

Эта книга такъ понравилась ему, что онъ самъ пожелалъ поучиться, какъ писать стихи. Но поучиться въ Денисовкѣ было не у кого. Кто-то натолковалъ ему, что искусству писать стихи, и также и другимъ наукамъ, можно научиться въ Москвѣ. И вотъ онъ, воспользовавшись случаемъ, когда чрезъ ихъ село провозили въ Москву мороженную рыбу, раздобывъ три рубля денегъ, бросаетъ родительскій домъ и тайкомъ пускается въ путь вслѣдъ за извозомъ. Тысячу верстъ прошелъ онъ пѣшкомъ въ зимнее время, и черезъ три недѣли передъ нимъ показалась бѣлокаменная, заблестали главы церквей. Радостно забилося сердце юноши. Но ненадолго. Въ первый же день прибытія своего въ Москву онъ восчувствовалъ свое одиночество и свою безпомощность: нѣтъ у него здѣсь ни пристанища, ни такого человѣка, кто-бы могъ оказать ему помощь достигнуть того, зачѣмъ онъ пришелъ въ Москву. Обливаясь слезами, онъ падаетъ на колѣни и, устремивъ глаза на церковь, горячо молится, чтобы Богъ его призрѣлъ и явилъ ему Свою помощь. По-молившись, онъ идетъ къ обозу и тутъ встрѣчаетъ человѣка, который оказывается его землякомъ. Этотъ человѣкъ служилъ приказчикомъ въ Москвѣ. Отъ отнесся сочувственно къ своему земляку, далъ ему на первыхъ порахъ пріютъ въ своей квартирѣ и потомъ чрезъ своего знакомаго монаха помѣстилъ его въ академію.

Скажете, это счастливая случайность?— Не случайность, а Промыслъ Божій.

Съ жаромъ берется 18-лѣтній юноша за научу. Учитъ латынь. Съ него смѣются товарищи-малыши, а онъ, не обращая на ихъ насмѣшки вниманія, все учитъ и твердитъ уроки. Одолѣвъ латинскій языкъ, принимается за греческій. На содержаніе въ академіи онъ получалъ три копейки въ день: одну денежку тратилъ онъ на хлѣбъ, другую на квасъ, а остальные деньги оставлялъ на обувь, на бумагу и на про-

чія потребиности. Пять лѣтъ онъ пробылъ въ Московской академіи и, благодаря своимъ дарованіямъ и прилежанію, опередилъ въ наукахъ всѣхъ своихъ товарищей. Ему нечего уже дѣлать въ Московской академіи, и онъ переходитъ въ Кіевскую академію. Въ этой академіи онъ не нашель того, къ чему влекла его ненасытимая любознательность; онъ возвращается въ Москву. Изъ Москвы перебирается въ Петербургъ. Здѣсь онъ находитъ себѣ покровителя въ лицѣ знаменитаго Архіепископа Теофана Прокоповича и, благодаря ему, поступаетъ въ Академію Наукъ.—И это опять не случайность, и слѣды Промысла Божія о человѣкѣ, поставившемъ себѣ цѣлю жизни — просвѣтити себя науками.—Въ Петербургской академіи Ломоносовъ изучаетъ нѣмецкій языкъ и естественныя науки. Въ короткое время онъ оказываетъ такіе успѣхи, что академическое начальство посылаетъ его для усовершенствованія въ наукахъ на казенный счетъ за границу, въ Германію. Ему въ это время было уже 25 лѣтъ. Здѣсь находитъ онъ то, чего жаждала его душа. 5 лѣтъ онъ пробылъ въ Германіи и, благодаря своему трудолюбію, узналъ все, что можно было узнать, вполне овладѣлъ современною наукою и не безъ труда и лишеній возвращается въ Россію.

Все, что Михаилъ Васильевичъ узналъ за границей, все перенесъ въ свое отечество. Онъ былъ творцомъ письменнаго русскаго языка, былъ первымъ ученымъ русскимъ наставникомъ юношества въ высшей школѣ. Для образованія юношества онъ составилъ много книгъ: составилъ книгу, какъ правильно говорить и писать по русски (грамматику); составилъ книгу, какъ научиться краснорѣчію, хорошо сочинять (рѣторику); составилъ книгу, какъ писать стихи (пѣтику) и прочія книги. Михаилъ Васильевичъ былъ ученѣйшій мужъ. Какія только существуютъ въ мірѣ науки, онъ зналъ ихъ въ совершенствѣ. А нѣкоторыя изъ нихъ

онъ зналъ лучше даже заграничныхъ ученыхъ (онъ былъ физикъ, химикъ, математикъ, минералогъ, геологъ, астрономъ, географъ, статистъ, историкъ, грамматикъ, филологъ, поэтъ, ораторъ, педагогъ). Зная въ совершенствѣ науки свѣтскія, онъ зналъ еще одну науку, — науку наукъ: Христіанское Богословіе.

Воспитываясь въ Московской Славяно-Греко-Латинской академіи, онъ любилъ изучать богословскія науки, съ жадностію читалъ изъ академической бібліотеки творенія Свв. отцовъ: Василя Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Іоанна Дамаскина и другихъ. Особенно онъ увлекался чтеніемъ Шестоднева Василя Великаго, который касается столь любезной ему „натуры“ и порядка мірозданія. „Вотъ это чтеніе и углубленіе въ смыслъ Свящ. Писанія и Свято-Отеческихъ твореній, говоритъ одинъ изъ его біографовъ (Воскресенскій), и были тѣми сѣменами, которыя принесли въ послѣдствіи свой плодъ въ дѣятельности Ломоносова, какъ натуралиста“.

„Создатель далъ роду человѣческому, говоритъ Михайль Васильевичъ, двѣ книги: въ одной показалъ Свое величество, а въ другой—Свою волю; первая—видимый сей міръ, вторая—Священное Писаніе“.

Не въ юности только, не въ духовной только академіи Ломоносовъ былъ пропитанъ религіозностію, онъ такимъ оставался во всю свою жизнь. Это свидѣлствуютъ его стихотворенія, писанныя имъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, послѣ образованія своего за границей. Вотъ, напр., его стихотвореніе, озаглавленное имъ: „Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ“, въ которомъ онъ пишетъ: „Уже прекрасное свѣтило простерло блескъ свой по земли и Божіи дѣла открыло: мой духъ, съ веселіемъ внемли! Чудяся яснымъ толь лучамъ, представъ, каковъ Зиждитель Самъ!“

Когда-бы смертнымъ толь высоко возможно было возлетѣть, чтобъ къ солнцу бренно наше око могло, приблизившись, воззрѣть: тогда-бъ со всѣхъ открылся странъ горящій вѣчно океанъ... Сія ужасная громада, какъ искра предъ Тобой одна. О, коль пресвѣтлая лампада Тобою, Боже, возжена для нашихъ повседневныхъ дѣлъ, что Ты творить намъ повелѣлъ... Творецъ! покрытому мнѣ тьмою простри премудрости лучи, и что угодно предъ Тобою, всегда творити научи, и на Твою взирая тварь, хвалить Тебя, бессмертный Царь“.

Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ своей жизни, исполненной борьбы и всякихъ лишеній и страданій, онъ любилъ обращаться за утѣшеніемъ къ вѣрѣ и искалъ облегченія въ пѣснопѣніяхъ Давида и въ страдальческой жизни Іова. Онъ переложилъ нѣсколько псалмовъ Давида въ стихи и написалъ пѣснь (оду) изъ книги Іова.

Въ передоженіи псалма 145 онъ пишетъ: „Блаженъ тотъ, кто себя вручаетъ Всевышнему во всѣхъ дѣлахъ, и токмо въ помощь призываетъ Живущаго на небесахъ...“

Въ терпѣніи моемъ, Зиждитель, Ты былъ отъ самыхъ юныхъ дней Помощникъ мой и Покровитель, Пристанище души моей“. „Хоть полкъ противъ меня возстань, но я не ужасаюсь, пускай враги воздвигнутъ брань, на Бога полагаюсь. Ты, сердце, духомъ укрѣпись, о Господь мужайся, и бѣдствіемъ не колеблись, на Бога полагайся“.

Религіозныя творенія Михаила Васильевича Ломоносова имѣютъ для насъ особенное значеніе въ настоящее время, какъ доказательство о совмѣстимости вѣры и науки, что науки естественныя не отрицаютъ наукъ богословскихъ.

Нѣкто изъ ученыхъ сказалъ, что „глубокое знаніе наукъ естественныхъ приближаетъ къ Богу, а поверхностное отдаляетъ“. „Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ толь чуд-

ныхъ дѣлъ проникаетъ разсужденіе, говоритъ самъ Ломоносовъ, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего быть Строитель“. О Ломоносовѣ-же можно сказать, что онъ былъ глубокой мыслитель и передовой человекъ своего времени. Науки естественныя онъ изучалъ за границей у иновѣрныхъ учителей, жилъ въ 18 вѣкѣ, — вѣкѣ невѣрія и отрицанія, и остался глубоко вѣрующимъ человекомъ. илѣнилъ свой разумъ въ послушаніе христово (2 Кор. X, 5).

Еще два-три слова о Ломоносовѣ. За тысячу верстъ шель онъ пѣшкомъ за лучомъ свѣта. Сколько лишеній, сколько страданій претерпѣлъ онъ, пока достигъ своей цѣли, — просвѣтилъ себя науками! Какъ-бы онъ обрадовался, если-бы могъ встать и посмотрѣть, что лучъ свѣта науки блеснулъ и въ нашихъ безчисленныхъ народныхъ школахъ, и что за этимъ лучомъ не нужно идти тысячу верстъ, а сдѣлать лишь нѣсколько шаговъ, и что для просвѣщенія науками имѣются теперь всѣ удобства.

Дѣти! я къ вамъ обращаюсь. Примѣръ Ломоносова пусть побудитъ васъ полюбить школу, полюбить науку. Онъ изъ курной избы былъ принятъ и въ царскомъ дворцѣ, чтился современниками, чтится и теперь. Нѣтъ, дѣти, запрета и вамъ выйти въ хорошіе и полезныя люди, нужно только учиться и учиться. И вамъ не учиться, при тѣхъ удобствахъ, какъ обставлены ваши школы, не только стыдно, но и грѣхъ

Еще одно слово къ вамъ, дѣти. Вы слышали уже, что Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ называется отцемъ русскаго письменнаго языка, положилъ начало русской грамотѣ, составилъ для школы много книгъ. И на васъ, поэтому, лежитъ долгъ — помнить Ломоносова, молиться объ упокоеніи въ царствѣ небесномъ раба Божія Михаила. Аминь.

Священникъ Александръ Кременецкій.

Памяти Михаила Васильевича Ломоносова.

«Можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Ньютоновъ
Россійская земля рождать».

Тихо ночь распустила волшебныя крылья свои
И окутала землю прохладнымъ туманомъ...
Засыпая, у берега дрожатъ ледяныя струи.
Сумракъ робко ведетъ разговоръ съ океаномъ.
И разверлася бездна, вся звѣздъ чудно—яркихъ полна.
Нѣтъ звѣздамъ этимъ счета... Нѣтъ безднѣ обманчи-
вой дна!

Вотъ съ отцомъ-рыбакомъ отдохнуть отъ работы дневной
Отрокъ молча идетъ подъ мерцаніемъ ночи.
И души его будто смущается тихій покой,
И восторгомъ горятъ его дѣтскія очи...
Тамъ, вдали, какъ изъ волнъ, какъ изъ хладныхъ и
сумрачныхъ скалъ,
Огнь чарующій, чудный, всплывая, все ярче пылалъ...
И задумался отрокъ... Душѣ былъ понятенъ живой
Плескъ волны, выкрикъ чайки пугливой,
И хотѣлось душѣ разгадать свѣтъ волшебный нѣмой,
Унести въ міры молчаливо...
Его свѣточъ науки манилъ и душа рыбака
Такъ отъ жизни крестьянской была далека, далека.
Пронеслися года. Сынъ незнатной, крестьянской семьи
О мірахъ, временахъ ужъ вопросы рѣшаетъ!
И о чудномъ сіяньи мечтанья и думы свои
Въ стройныхъ звукахъ онъ первый Россіи являетъ.
Изъ невѣжества тьмы появился и моцень, великъ
Сталъ свѣтиломъ Россіи архангельскій прежній мужикъ.

Татьяна Плохихъ.

Четвергъ, 30 октября 1911 года.

Памяти М. В. Ломоносова.

(8 ноября 1711 г.—8 ноября 1911 г.).

Ломоносовъ умѣлъ и любить и страдать,
Отъ себя онъ сумѣлъ духъ тоски отогнать,
За любимое дѣло безъ страха приняться
И труду безъ борьбы и сомнѣнья отдаться.

* * *

Предъ нимъ музы стиховъ загорѣлась звѣзда—
И онъ пѣлъ безпредѣльную благодать Творца,
И всѣ силы свои—все готовъ былъ отдать
За любимый народъ и за родину-мать.

* * *

Шелъ онъ тѣсной, тяжелой дорогой скорбей,
Все впередъ и впередъ за звѣздою своей...
Онъ другихъ научилъ на жизнь бодро смотрѣть,
Смогъ, обиды терпя, всѣхъ любя умереть.

В. Высоцкій.

И. С. Никитину.

Ты пѣлъ про родимую, русскую ниву,
Съумѣлъ ея звуки душой разгадать,
Ты пѣлъ одиоко, ты пѣлъ терпѣливо,
И душу ты въ пѣсняхъ умѣлъ изливать.

Измученный долей суровой, холодной,
Ты все же въ житейскую грязь не упалъ,
Хоть сердце болѣло въ тоскѣ безотчетной,
Ты молча боролся, незримо страдалъ.

Безъ свѣта, безъ радости дни проходили,
Но въ сердцѣ могучемъ огонь неба пылалъ,
И къ небу стремилися мощныя силы,
И огонь этотъ струны души вдохновлялъ.

Надъ творчествомъ только душа отдыхала,
Не мало ты пѣсенъ прекрасныхъ пропѣлъ,
И если бы крыльевъ тебѣ не связала
Суровая доля, ты бѣ къ солнцу взлетѣлъ...
Такъ чудно все въ пѣснѣ: и звуки печали,
И жизнь безъ просвѣта мѣщанъ, мужика,
И свѣтлые образы призрачной дали,
И говоръ игривый весны вѣтерка.
Въ природѣ ты видѣлъ великость творенья,
Въ созданьяхъ Создавшаго ты постигалъ,
И пѣсня лилася со струнъ вдохновенья,
При вѣрѣ духъ неба тебя подрѣплялъ.
И шель ты съ терпѣньемъ суровой дорогой,
И душу возвысилъ надъ тиной земной.
Спи съ миромъ, страдалецъ! Спи, труженикъ строгій!
Тамъ царство забвенья... Тамъ сонъ и покой...

Татiana Плохихъ.

Мы призваны о жизни возвѣщать.

Такъ день за днемъ, условный путь свершивъ,
Во тьмѣ время скрывается незримо.
И человекъ покорно-молчаливъ,
Идетъ тропой непостижимой...
И при лучѣ послѣднемъ каждый день
Все говорить: „вотъ новый день промчался,
Пришелъ, погасъ... Въ душѣ все та же лѣнь,
Все тотъ же сонъ, кашмаръ остался...
Лишь на словахъ мы о трудѣ шумимъ,
Лишь тѣшимъ мысль надеждой ожиданья:
Вотъ, новый день наступить, — мы свершимъ
Въ него великія дѣянья!

А въ результатѣ—лѣнь, тоска и сонъ.
И все стремимся мы къ чему то вѣчно,
А дни идутъ, скрываясь въ тѣмѣ времянь,
Идутъ и гаснутъ быстротечно...

Порой подумаешь: зачѣмъ же жить?!
Зачѣмъ идти безплодною дорогой?!
И могъ ли кто загадку разрѣшить,
Что жизнь хранить упрямо, строго?

За что мы боремся? За сонъ, кошмаръ.
Къ чему стремимся мы? Къ стремленьямъ новымъ.
И гаснетъ духъ—небесъ великій даръ
Въ житейскомъ сумракѣ суровомъ...

Все мишура. Мы сами создаемъ
Страданье, радость, жизни идеалы,
Чего то ждемъ, надѣясь, мучась, ждемъ,
А въ жизни тѣ же все „ваалы“.

Нашъ умъ себѣ такъ много подчинилъ,
Но этимъ всѣмъ душа ненасытима.
Кто, кто изъ насъ на мигъ хоть счастливъ былъ
Священнымъ счастьемъ, не мнимымъ?!

Все ложь и ложь. Подъ маскою румянъ
Скрываетъ жизнь и бѣдность и морщины,
Тоску и лѣнь, а въ будущемъ обманъ
И холодъ жизненной пучины.

Когда же мы воспрянемъ ото сна
И тайну вѣковую разгадаемъ?!
Когда жъ поймемъ: зачѣмъ намъ жизнь дана?
Когда же цѣну ей узнаемъ?!

Вѣдь не для сна же мы изъ тѣмы могилъ
Для жизни вызваны рукой незримой?
Вѣдь не для смѣха жъ духъ нашъ созданъ былъ,
Какъ даръ небесъ непостижимый?

Мы призваны о жизни возвѣщать
И научать бороться съ непогодой,
И путь суровый жизни удобрять,
Чтобъ мощные родились всходы;
И воскрешать должны мы для труда,
И отгонять обманчивыя грезы
И помнить то, что въ жизни вѣдь всегда
Шиши имѣютъ счастья розы.

Страданья, радость—въ вѣчность все уйдетъ,
И увлечетъ нашъ духъ туда съ собою,
И тамъ за все мы отдадимъ отчетъ
Предъ вѣчнымъ міра Судією.
Долой же лѣнь! Въ комъ есть душа, буди
Отъ сна; бросай же въ жизнь лучи разсвѣта!
Со зломъ и тьмой на битву выходи—
Жизнь дасть безсмертіе за это!

Татіана Плохихъ.

Среда, 26 октября 1911 г.

О религіозно-нравственномъ воспитаніи въ церковной-приходской школѣ.

Въ настоящее время, извѣстною частію общества, распространяются увѣренія въ томъ, что начальное обученіе и воспитаніе дѣтей должно быть строго отдѣлено отъ религіи, что истинная педагогика должна развиваться на почвѣ независимости отъ церковной жизни.

Люди, проповѣдующіе это, преслѣдуютъ свои цѣли, которыя ничего общаго съ педагогикой не имѣютъ. Желая поставить дѣло воспитанія именно такъ, они добиваются имѣть человѣка только внѣшне воспитаннаго, безъ твердыхъ нравственныхъ началъ, безъ совѣсти—компаса жизни, безъ Бога въ душѣ. Они знаютъ, что кончившіе такую

школу сейчас-же сдѣлаются ихъ учениками и пойдутъ туда, куда ихъ поведутъ: подъ красный флагъ, на баррикады, на экспроприаціи; что такъ „образованные“ послушно запоютъ вмѣсто національнаго гимна— „марсельезу“ и радостно закричатъ: долой самодержавіе!; что такая рать „Валаамовыхъ ослицъ“ заговоритъ, когда прикажутъ объ изгнаніи Креста изъ школы и, не отдавая себѣ отчета ни въ чемъ, будетъ требовать отдѣленія Церкви отъ Государства. Примѣръ подобнаго положенія вещей мы видимъ во Франціи.

Нѣтъ; истинное школьное воспитаніе должно заботиться приготовить къ жизни не „внѣшняго человѣка“, а человѣка въ высшемъ значеніи этого слова, поставитъ свою цѣлю и постоянной заботой въ своихъ педагогическихъ начинаніяхъ проникнуть въ сущность ребенка, въ его душу. Школа, кромѣ сообщенія необходимыхъ знаній, обязана волю маленькаго человѣка укрѣпить, чувство—наполнить страхомъ Божиимъ, сердце-смиреніемъ и покорностью волѣ Его.

Сердце ребенка подобно вьющемуся растенію, которому нужна опора, чтобы подняться вверхъ и пышно разцвѣсть. Такой опорой сердцу служитъ религіозное чувство, нравственное развитіе.

Эти начала, твердо заложенные въ дѣтской душѣ, помогутъ ребенку въ жизни различить кривду отъ правды, возвысятъ свой голосъ на распутьѣ добродѣтели и порока и не дадутъ человѣку уклониться съ праваго пути.

Достиженіе, развитіе и укрѣпленіе религіозности и нравственности должно начинаться и обосновываться не только внутренно, но въ весьма сильной степени и внѣшнимъ образомъ.

Религія должна проявляться во всемъ строѣ школы, въ ея жизни и дѣйствіяхъ. Чѣмъ больше школьники будутъ

видѣть выраженія религіозности въ молитвахъ наставника, въ его посѣщеніяхъ церкви, въ его благоговѣннѣе передо всѣмъ, что связано съ религіей, въ убранствѣ и внутреннемъ устройствѣ школы, чѣмъ будутъ чаще сами присутствовать на молитвѣ въ школѣ и храмѣ,—тѣмъ религіознѣе они сдѣлаются, тѣмъ легче найдутъ добрую почву сѣмена божественнаго слова, бросаемаго воспитательницей—школой.

Преподающій безусловно долженъ быть высшей нравственности человѣкомъ, ибо для школьниковъ онъ авторитетъ, то лицо, на которое они переносятъ всѣ совершенства, составившіяся у нихъ въ продолженіи жизни; идеаль челоуѣка, какимъ они желаютъ сдѣлаться.

Окружающая ребенка темная деревенская жизнь полна ссоръ, пьянства; его окружаетъ ложь и обманъ, но онъ видитъ въ школѣ учителя, который никого не только не обидѣлъ, но и не огорчилъ; всегда справедливъ, трезвъ и ласково-внимателенъ ко всѣмъ дѣтямъ, безъ различія на бѣдныхъ и богатыхъ.

И ребенокъ вѣритъ, что значить можно и должно быть такимъ хорошимъ, и дѣлается самъ подобнымъ своему учителю и ужъ на замѣчанія наставника о вредѣ и позорѣ порока не скажетъ ему, поучающему: „врачу, исцѣлися самъ“!

Кромѣ личнаго примѣра учителя, основывающаго все школьное дѣло на любви—сущности христіанства, самымъ важнымъ факторомъ въ достиженіи цѣлей, поставленныхъ школой, служатъ молитва и уроки Закона Божія.

Говоря объ этихъ предметахъ, я не упускаю изъ виду и того, что великое значеніе имѣютъ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей житія святыхъ, посѣщающихъ бѣдную хижину съ помощью и утѣшеніемъ, рассказы о свѣтлыхъ ангелахъ, пекущихся о добрыхъ дѣтяхъ, рассказы, удерживающіе отъ порока, хранящіе невинность

отъ зла, вызывающіе стремленіе къ небесному отечеству, возбуждающіе чувство благотворительности и благотворно вліяющіе на сердце, мнѣніе и характеръ.

Въ религіозной семьѣ ребенокъ вмѣстѣ съ лепетомъ первыхъ словъ вслѣдъ за матерью повторяетъ и слова молитвы. Не зная, о чемъ молиться, онъ все таки приходитъ въ школу съ яснымъ сознаніемъ того, что есть Кто-то Высшій, который властвуетъ надъ нимъ и надо всѣмъ, что видитъ ребенокъ, есть Тотъ, передъ Кѣмъ склоняетъ колѣна для дитяти драгоцѣннѣйшая и все знающая мать—человѣкъ, въ представленіи ребенка воплощающій и силу и могущество—весь міръ.

Это чувство зависимости отъ „Боженки“, эту способность молиться должна укрѣпить школа въ однихъ и развить въ тѣхъ, кто не слышалъ о „Боженкѣ“, явившись въ школу изъ семьи антирелигіозной или равнодушной къ вѣрѣ, развить до яснаго сознанія того, о чемъ должно молиться и за что благодарить Господа, до яснаго пониманія, что безъ Бога мы, люди—ничто, а съ Нимъ все, что Имъ мы только движемся и есмь, что Онъ есть Отецъ намъ—дѣтямъ Его.

Частымъ, глубокимъ вздыханіемъ легкія развиваются и становятся крѣпкими.

Молитва—дыханіе души

Ежедневной истовой молитвой въ школѣ ребенокъ на всю жизнь пріучается къ общенію съ Богомъ, душа навсегда привыкаетъ стремиться къ Тому, Кто есть дыханіе и жизнь,—и не будетъ у человѣка мѣсто вздохамъ о тяжести послѣд-наго креста жизни,—вздохамъ, доходящимъ до рыданія о безнадежности, ненужности и безцѣльности существованія человѣчества и всего созданнаго.

Антихристіанство въ поискахъ „грядущаго града“ за-

мѣняется истинной вѣрой и увѣренностію въ то, что только принадлежность къ Церкви Православной, возглавляемой Иисусомъ Христомъ, даетъ надежду, послѣ побѣды надъ страстями, услышать въ день онъ: „Прійдите, благословенные Отца моего“! „Прійдите насладитесь“! Молитва, частое хожденіе въ храмъ должны дать человѣку новыя силы, новое мужество къ исправленію, должны служить изліяніемъ наболѣвшаго сердца или радости человѣка, но не должны обращаться въ формальность, въ фари́сейство съ призывомъ: Господи! Господи!

Школа должна приготовить людей, чту́щихъ Вышняго не только словомъ, но и сердцемъ.

Понятіе о Богѣ должно наполнять человѣка благоговѣніемъ къ Его имени, и ребенка надлежитъ пріучить никогда не употреблять его легкомысленно и неосмотрительно, въ обыденныхъ разговорахъ.

Научивъ дѣтей молиться, имъ надо дать понять, что молитва сама по себѣ не дѣлаетъ человѣка лучше, она — приготовленіе къ добрымъ дѣламъ, безъ которыхъ нельзя стать угоднымъ Небесному Отцу.

А какія это добрыя дѣла, какъ надо жить, чтобы угодить Богу, содѣйствовать устроенію Церкви Божіей на землѣ, быть полезнымъ обществу и отечеству, — это школьникъ долженъ узнать изъ уроковъ Закона Божія.

Въ библейскихъ и евангельскихъ рассказахъ, передаваемыхъ дѣтямъ простымъ, но не псевдо-народнымъ опошленнымъ языкомъ, языкомъ близкимъ къ Библии, — передъ дѣтьми надо развернуть картину домостроительства Церкви Божіей на землѣ.

На примѣрахъ должно показать, какъ человѣчество, ведомое Промысломъ Божіимъ, шло; шло и падало, если, мудрствуя лукаво, забывало о Высшемъ Разумѣ.

Школьникамъ должно быть открыто, что во всемъ откровеніи Христіанства идетъ рѣчь о христіанской жизни, требующей нагляднаго выраженія и проявленія на дѣлѣ.

Разсказывая тѣ или другія исторіи изъ книги Закона Божія, надо сообразоваться съ развитіемъ учениковъ и особливо останавливаться на тѣхъ, которыя они могутъ воспринять не умомъ только, но и сердцемъ.

Мила дѣтямъ исторія Іосифа Прекраснаго, мила до того, что не встрѣчается ни одного человѣка, учившагося въ школѣ, какой бы позабылъ ее подъ старость.

И вотъ передъ взоромъ ребенка должна пройти картина страданій и униженій Іосифа, наконецъ, величіе и слава этого, чистаго сердцемъ человѣка. И образъ прекраснаго Іосифа, его жизнь, носившая слѣды промысла Божія,—неизгладимо запечатлѣется въ дѣтской душѣ и заставитъ въ жизни подражать сему нравственно-высокому человѣку, возбудитъ стремленіе къ прекрасному и оттолкнетъ отъ пошлостей и мерзостей, чѣмъ такъ богата современная дѣйствительность.

Передъ очами учащихся должны пройти Виелесмъ, Іерусалимъ, Голгофа—вся жизнь Богочеловѣка и не такъ, какъ проходятъ картины синематографа—мелькнутъ и исчезнутъ изъ памяти сейчасъ-же; а должны остаться на всю жизнь въ памяти человѣка, всегда быть предъ умными очами сердца его.

Слова ученій Спасителя должны твердо запоминаться, чтобы, по выходѣ изъ школы, человѣкъ не соблазнился словами новыхъ учителей, говорящихъ: „такъ сказалъ Спаситель“ и приводящихъ измышленное своимъ умомъ; чтобы человѣкъ не былъ въ своей религіозной жизни „тростію, колеблемой вѣтромъ“, переходящимъ въ ту или иную секту, провозглашающую: здѣсь Спаситель!; чтобы всякому „интеллигенту“, говорящему: „Рожденный ползать-летать не мо-

жетъ“¹⁾, онъ могъ возразить словами Спасителя: „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ“, словами, указывающими, что человекъ можетъ и долженъ стремиться къ идеалу; чтобы всякому, ставящему человека на пьедесталъ, считающему его сверх-человѣкомъ, Богомъ—такъ говоритъ Заратустра²⁾...., вышедшій изъ школы могъ сказать: нѣтъ твари больше Сооворшаго!

Теперь время религіозныхъ шатаній. Всѣ ищутъ новыхъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ и въ исканіяхъ забываютъ объ идеалахъ жизни, поставленныхъ Спасителемъ.

Евангеліе перестаетъ быть настольной книгой, Христосъ—учителемъ жизни. Идутъ къ учителямъ площадей, улицъ и переулковъ.

Преподаваніе Закона Божія въ школѣ должно опираться на силы дѣтскаго ума, на внѣшній и внутренній опытъ, на настроеніе и чувства, на совѣсть и волю ребенка, и тогда въ прохожденіи жизненнаго пути у человека будетъ и страхъ Божій и любовь къ людямъ и отечеству, чистое сердце, твердость духа, надежда и терпѣніе. Тогда онъ никогда не забудетъ Господа и Христа Его, не будетъ заблуждшей овцой стада Христова, а дѣятельнымъ, полезнымъ членомъ его, послужитъ примѣромъ для другихъ и всѣмъ, зовущимъ его на путь измѣны Христу, скажетъ: „если и всѣ измѣнятъ, я останусь вѣрнымъ“.

Такимъ человекъ долженъ быть всякій ученикъ, выходящій изъ церковно-приходской школы.

В. Н. Вы—кій.

---

1) Горькій.

2) Сумасшедшій Ницше.

Прошлое и настоящее.

Миновавъ Бобровскія степи и тихій Довъ, сѣверный поѣздъ медленно прошелъ подъ мѣловыми скалами Дивногорскаго монастыря, все удаляясь къ югу, и еще разъ остановился у вокзала одной изъ узловыхъ станцій. Лѣтній вечеръ. На перронѣ въ ожиданіи прихода поѣзда суетится публика: одни гуляютъ, поглядывая вдоль полотна дороги, другіе усѣлись на скамейкахъ у садовой рѣшетки.

Въ черномъ костюмѣ и такой же шляпѣ, съ длиннымъ траурнымъ крепомъ, въ дальнемъ углу 2-го класса сидѣла еще моложавая дама. Рядомъ съ ней съ чемоданами на стульяхъ двѣ девочки десяти и восьми лѣтъ въ такихъ же черныхъ траурныхъ платьяхъ. Это была матушка вдова съ дѣтьми, два года назадъ скоронившая своего супруга. Она служила учительницей въ одной изъ благоустроенныхъ церковныхъ школъ и теперь отпирала дѣтей въ епархіальное училище.

— „Вѣроятно, еще поѣздъ не такъ скоро прибудетъ, обращаясь къ дамѣ и усаживаясь противъ нея на стулъ, говорилъ среднихъ лѣтъ священникъ съ саквояжемъ черезъ плечо.

— Если не запоздаетъ поѣздъ, то еще ожидать около сорока минутъ. Кажется, съ предыдущей станціи вышелъ уже, — отвѣчала дама.

— Вспоминаю я, матушка, покойнаго папашу вашего о. Павла, — заговорилъ священникъ. — „Какая обаятельная личность. Мы, какъ родные, собирались у васъ и такъ славно проводили время. Крупная и рѣдкая личность былъ покойный; такихъ цѣлостныхъ типовъ даже въ то время, а теперь тѣмъ болѣе, трудно встрѣтить. Не даромъ люди, такъ сказать, противоположныхъ лагерей по складу и убѣжденіямъ одинаково отдавали почившему дань уваженія. Самъ покойный о себѣ

отзывался, что отъ природы онъ надѣленъ самыми скромными способностями, ни въ семинаріи, ни на приходской службѣ ничѣмъ крупнымъ не выдѣлялся. „Я, — говорилъ, бывало, онъ, — если и отличаюсь отъ иѣкоторыхъ, развѣ только тѣмъ, что, поставивши себѣ задачею хотя медленнымъ шагомъ, но идти впередъ, всю жизнь преслѣдовалъ свою задачу. Какъ священникъ и какъ общественный дѣятель, я человѣкъ самый заурядный, а если меня выдѣляла судьба изъ массы, это потому, что я хоть что-нибудь для будущаго да дѣлалъ, а другіе и того не дѣлали“. Въ деревенской глуши такіе кружки, какіе собирались вокругъ о. Павла, это своего рода благодатные оазисы.

— Да, хорошо было въ домѣ покойнаго папы, мы въ юности проводили время, но оно прошло, а теперь время другое. И кто работаетъ головою и живетъ нервами, того неизбежно волна настоящаго теченія должна увлечь съ собою. Вѣдь невозможно плыть противъ теченія? Препжее, старое очень обветшало. Я ему меньше вѣрю, а вотъ зарождается заря будущаго. Она прежде всего должна обновить и нашу школу и всю жизнь.

Скажу о себѣ. Служилъ мой покойный мужъ въ сельскомъ приходѣ. Глушь ужасная.

Знакомство и общество единственно только изъ духовной среды. Ни развлеченій, ни удовольствій никакихъ. При томъ этотъ церковный тонъ, чтобы школа и семейная жизнь пропитались бы тѣмъ же церковнымъ настроеніемъ. Думаю, неужели эта церковность можетъ воспитать человѣка. Меня она связывала. Когда я овдовѣла, обо мнѣ хлопотали, соболѣзновали о моемъ положеніи и сиротахъ. Благодаря знакомымъ и родственникамъ, мнѣ дали сравнительно приличное мѣсто учительницы въ церковной школѣ, гдѣ я занималась два года, получая 20 рублей и квартиру. Къ этому добавлялось нѣсколько пособія изъ попечительства и

эмеритуры, теперь старшая дѣвочка обучается на казенномъ содержаніи. Скоро отдавать и другую; еще есть мальчикъ.

Думаю, какъ нибудь обучу ихъ въ духовной школѣ. Но сама то я хочу уходить на службу въ другое вѣдомство. Почти рѣшила перейти въ земскую школу. Какъ то, знаете, въ земской школѣ поставлено все болѣе современно и свободно, хотя окладъ жалованья мнѣ останется тотъ же. Тамъ я не буду знать никакихъ завѣдующихъ, — сама хозяйка, — этихъ долгихъ молитвъ, обязательныхъ посѣщеній церковныхъ службъ. Наконецъ, эти рясы отъ завѣдующихъ да наблюдателей, все рясы. Какъ онѣ надоѣли. Мнѣ инспекторъ уже мѣсто предлагалъ.

— Ваша рѣчь меня сколько удивила, столько же и поразила. Вѣдь я нѣсколько зналъ васъ раньше и ваше прошлое. Какъ будто могучій, всесокрушающій ураганъ пронесся съ дождевымъ ливнемъ и разрушилъ и смылъ все то, что вложила въ васъ родная семья духовная, воспитавшая васъ, школа, и вы такъ, простите, легкомысленно разрываете, какъ бы ударомъ ножа, связь со всѣмъ прошлымъ. Ну что сказалъ бы теперь вашъ покойный батюшка! Повѣрьте, что въ то прошедшее время на васъ больше, чѣмъ на другихъ, можно было положиться, что вы сбережете лучшія традиціи духовнаго сословія, и то, что связано съ служебнымъ положеніемъ духовнаго сословія, церковь и школа найдутъ въ васъ своего ревнителя. Ради какого же призрачнаго будущаго вы такъ безжалостно порываете близкія, даже родственныя связи?

Вотъ хотя бы ваши сужденія о церковной и земской школахъ. Ну какая современность, какой комфортъ васъ ожидаетъ въ земской школѣ? Все также въ глуши будете учить дѣтей деревенскихъ мужиковъ, людей простыхъ, но вѣрующихъ въ сердечной простотѣ, любящихъ церковь. Тамъ священникъ не будетъ завѣдующимъ, онъ будетъ за-

коноучителемъ, онъ и старшимъ воспитателемъ. Онъ вамъ старшій товарищъ и сослуживецъ, и другъ и, можетъ быть, единственное просвѣщенное лицо въ деревнѣ, и въ семьѣ его все интеллигентное сельское общество. Священникъ не будетъ завѣдывать школою, за то ею будетъ завѣдывать мужикъ — староста и мужикъ попечитель. Воображаю благоустройство и комфортъ вашей аудиторіи при такихъ просвѣщенныхъ благодѣтеляхъ. Вы, полагаю, ошибочно представляете красивую перспективу новой школы только по вывѣскѣ „земская“. Вы замѣтно съ напускнымъ неуваженіямъ поминали „о рясѣ“, но дѣло не въ рясѣ, а въ чловѣкѣ, и я скажу вамъ, что вы скорѣй теплый тонъ къ школѣ и своему положенію услышите именно отъ „рясы“.

— Въ вашихъ словахъ, батюшка, много правды, я очень благодарна вамъ. Вы воскресили въ памяти моей и прошлое счастливое время въ домѣ отца, и поколебали мое рѣшеніе о перемѣнѣ службы. Я подумаю. Простите, нужно спѣшить; кажется поѣздъ. Благодарю, благодарю васъ!... До свиданія!

Въ это время, громыхая и шипя, медленно, важно подходилъ къ платформѣ южный поѣздъ. Публика оживилась и засуетилась.

Скоро поѣздъ снова продолжалъ свой путь на сѣверъ, увозя съ собою и даму въ траурномъ уборѣ.

Къ священнику, оставшемуся въ залѣ 2 класса въ ожиданіи запоздалаго поѣзда, подошелъ молодой чловѣкъ, сидѣвшій нѣсколько поодаль и прислушивавшійся къ его разговору съ матушкой.

— Меня, батюшка, чрезвычайно занялъ вашъ разговоръ съ уѣхавшей дамой. Я близко зналъ ея братьевъ, во время ученья въ семинаріи. Говорятъ, при покойномъ ихъ отцѣ это была замѣчательная семья. Вы, какъ видно, зна-

ли ее хорошо, и я съ удовольствіемъ послушалъ бы ваши воспоминанія объ о. Павлѣ.

— Поѣзда еще ожидать долго и я готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Пожалуйста, батюшка!

— То было время нашей золотой юности. Въ лучшую цвѣтущую пору жизни, полную радужныхъ надеждъ и грандіозныхъ плановъ, полную еще непочатой энергіи и чистыхъ порывовъ къ высокому, благородному, двери дома гостепріимнаго отца Павла были открыты для учащей и учащейся молодежи Н...го околотка. Представляю себѣ и деревню, въ которой полстолѣтія священствовалъ почтенный пастырь. Далеко, на нѣсколько верстъ, протянулась она по теченію небольшой рѣчки въ одномъ изъ глухихъ угловъ уѣзда. Небольшая деревянная церковь стояла на высокой мѣловой горѣ. Здѣсь, противъ нея широко во весь косогоръ раскинулась и усадьба отца Павла вплоть до берега рѣчки, съ громаднымъ, въ нѣсколько десятинъ, фруктовымъ садомъ. Здѣсь то въ былое время и собиралась интеллигентная молодежь всего околотка. Украшенный почтенными сѣдинами, старецъ—хозяинъ имѣлъ большую семью: четырехъ сыновей и двухъ дочерей. При семидесятилѣтнемъ возрастѣ о. Павелъ сохранилъ молодую душу. До преклонныхъ лѣтъ онъ остался радушнымъ, живымъ, суетливымъ и отзывчивымъ на затѣи молодого поколѣнія. Чтобъ правдиво судить объ о. Павлѣ, нужно было видѣть его за службой въ храмѣ, среди прихожанъ и въ своемъ обществѣ. Ко дню ангела 29 іюня, въ Архиповку, бывало, собиралась масса гостей: іереи, мелкіе помѣщики, учителя, студенты, семинаристы, тутъ же можно было встрѣтить и земскаго врача. и нотаріуса, и начальника почтовой конторы. Послѣ торжественной службы соборне съ сонмомъ іереевъ, изъ которыхъ двое были его сыновья, о. Павелъ въ оградѣ цер-

ковной принималъ хлѣбъ-соль и поздравленія отъ прихожанъ, отвѣчалъ имъ благодарностью и приглашеніемъ почтенныхъ стариковъ въ домъ, на трапезу. Самъ абсолютный трезвенникъ, онъ не стѣснялъ своихъ гостей въ трапезѣ, но всегда выходило такъ, что гости стѣснялись и стыдились выпить лишнее. При всей многолюдности общества соблюдался полнѣйшій порядокъ и приличіе. Чай подавался въ вишневомъ саду съ ароматическимъ душистымъ медомъ изъ собственной пасѣки, съ крыжовникомъ и малиной, которыми привѣтливо угощали дочери его—епархіалки въ тихій лѣтній вечеръ на открытомъ воздухѣ. Всѣ члены семьи, внимательные и привѣтливые, такъ располагали къ себѣ гостей, что послѣдніе чувствовали себя, какъ дома, душою же общества съ начала и до конца оставался отецъ Павелъ. Какъ любили слушать его мягкую, плавную рѣчь! Тогда о политикѣ не говорили. Молодежь не зачитывалась ни Горькимъ, ни Андреевымъ, ни подпольной литературой, толковали о народничествѣ, читали Лѣскова, Златовратскаго. Любимою темою разговора было народное образованіе. Старческіе годы хозяина не мѣшали ему до конца дней своихъ видѣть и понимать, что спасеніе русскаго народа въ христіанскомъ прогрессѣ безъ разрыва съ исторически сложившимися устоями.

Тогда еще не заводили рѣчи объ обновленіи приходской жизни, а о. Павелъ, пользуясь высокимъ авторитетомъ среди своихъ прихожанъ, ясно понялъ необходимость обновленія приходскаго строя и независимо отъ указовъ и предписаній уже ставилъ свой приходъ на этотъ путь. Опытный народный учитель, онъ, помимо личныхъ трудовъ, не мало вложилъ средствъ въ школьное дѣло. Онъ такъ поднималъ престижъ церковной школы, что на нее стали ссылаться, какъ на образцовую, даже земскіе учителя и дѣятели, а молодымъ батюшкамъ предъ старцемъ-дѣятелемъ -- ста-

новилось стыдно. При школѣ была библіотека и читальня. Самъ о. Павелъ съ дьячкомъ и пономаремъ просвѣщалъ и училъ взрослыхъ. — Обученіе Закону Божію обычно велось осенью и зимою послѣ службы въ церковной сторожкѣ, почти всѣ прихожане села Архиповки знали начальныя молитвы.

Примѣру трезвости батюшки подражали многіе изъ прихожанъ, какъ подражали и примѣру въ веденіи хозяйства. А о. Павелъ былъ и прекраснымъ хозяиномъ. Но на это занятіе онъ смотрѣлъ по своему: онъ не ставилъ, какъ цѣль хозяйства, наживу.

И словомъ и дѣломъ онъ внушалъ, что пастыри должны воспитывать народъ. „Я всегда, — говорилъ онъ, — думаю о томъ, что каждый мой шагъ и каждый поступокъ послѣ Бога увидятъ прихожане, этимъ они будутъ учиться и воспитываться“. И онъ съ рѣдкой любовью, терпѣніемъ и усердіемъ часы пастырскаго досуга отдавалъ своему любимому саду и пасѣкѣ.

Не порывая связи съ традиціонными методами хозяйства, о. Павелъ осторожно двигался постепенно впередъ и, испытавши на двухъ трехъ примѣрахъ, вводилъ то или другое новшество. У него можно было встрѣтить и журналъ „Плодоводство“ и тишы улучшенныхъ ульевъ.

Нашъ крестьянинъ, — говаривалъ онъ, — при глубокой вѣрѣ въ Бога, нуждается въ развитіи самостоятельности и того сознанія, что Господь, наградивши насъ каждою большими или меньшими талантами, тѣмъ обязуетъ раскрыть ихъ и использовать въ теченіе своей жизни и потомъ отъ насъ потребуетъ отчета. Мы, пастыри, своимъ примѣромъ можемъ научить прихожанъ лучшими способами вести сельское хозяйство, особенно огородничество, садоводство и плодоводство. Я замѣчалъ, что такія отрасли, не мѣшая земледѣлію, сильно отражались не только на домовитости крестьянъ, но

еще больше развивали ихъ умственно и духовно облагораживали. Вотъ гдѣ послѣ храма и школы вижу я духовную и экономическую пользу для нашей деревни.

Въ округѣ о. Павла глубоко всѣ уважали и, что достойно вниманія, его любила молодежь.

Батюшка видѣлъ и чувствовалъ, что молодое поколѣніе растеть, а старое старится. Онъ иногда хвалилъ старое время, осторожно осуждалъ и новое, но понималъ, что наступаетъ новая весна, прилетятъ новыя птицы, запоютъ онѣ новыя пѣсни, какъ понималъ и то, что у молодежи юная, впечатлительная, отзывчивая душа, выпорхнувшая изъ-за учебной парты, пока носится надъ волнами житейскаго моря. О. Павелъ, какъ знатокъ человѣческой души, тонко и деликатно затрогивалъ въ молодежи то, что именно ее тревожило, трогало и просилось высказаться. Молодымъ іереямъ, учителямъ, семинаристамъ и епархіалкамъ онъ раскрывалъ перспективу ихъ будущаго жизненнаго пути съ розами и шипами. Домъ о. Павла для окружающей молодежи былъ своего рода школою. Даже легкомысленные и свихнувшіеся находили удовольствіе побывать у о. Павла. И много добраго сѣмени посѣяно было добрымъ пастыремъ на почвѣ юныхъ сердецъ: однимъ далъ толчокъ къ пастырской дѣятельности, другихъ научилъ культурному хозяйству, третьихъ привязалъ къ школѣ, а нѣкоторыхъ слабыхъ удержалъ отъ гибельнаго пути.

Умеръ отецъ Павелъ. Ни семья, ни знакомые не объединяются уже такимъ союзомъ, какъ было при немъ, но остались традиціи и живыя воспоминанія о лучшихъ часахъ золотой юности, связанныхъ съ его именемъ. Случайно встрѣчаясь, давніе знакомые не преминутъ обращаться къ прошлому: „а помните покойнаго о. Павла? Хорошее было то время. Какъ то старая молодежь умѣла и веселиться и учиться, и спорить и работать. Какая разношерстная семья собиралась у него, и подъ его крыломъ могли мы всѣ спѣться. Мо-

лодежь то золотая была. А теперь? Глядишь на молодое поколѣніе, и сердце сжимается: нѣтъ святого стремленія къ идеалу, нѣтъ той крѣпости и любви къ наукѣ и труду, которая бы закаляла духъ къ суровой работѣ. Напротивъ, какая то расплывчатость, поворотъ задомъ ко всему, что такъ чтили, чѣмъ жили и надъ чѣмъ работали цѣлыя поколѣнія. Происходитъ какая то душевная революція“.

Молодой человекъ жадно ловилъ каждое слово священника, не спуская съ него своихъ черныхъ глазъ.

— „Какъ я радъ,—заговорилъ онъ,—что случай привелъ меня встрѣтить васъ, батюшка! Такъ интересно было слушать ваши воспоминанія. Жаль, что поѣздъ подходит и я не могу многое сказать вамъ, что у меня есть на душѣ. На вокзалѣ сутолка, подошелъ поѣздъ и скоро снова умчался къ югу.

Пассажиры разстались.

Священникъ *Іоаннъ Набивачъ*.

Изъ жизни баптистовъ.

(См. издаваемый и редактируемый извѣстнымъ вождемъ баптистовъ Вильгельмомъ Андресвичемъ Фетлеромъ ежемѣсячный журналъ „Гость“ № 2, 1910 г., № 4 и 5 за 1911 годъ).

11 декабря прошлаго 1910 года Фетлеръ на одномъ изъ собраній „вѣрующихъ“ обратился къ присутствующимъ съ воззваніемъ учредить особое братство. „Въ настоящее время наша дорогая Россія переживаетъ во всѣхъ слояхъ общества самый критическій періодъ, гдѣ невѣріе въ обществѣ и маловѣріе въ Церкви Божіей развивается съ ужасающей быстротой... Пора намъ заговорить... Мы должны выступить, мы должны кричать во всеуслышаніе, мы должны спѣшить на спасеніе нашихъ ближнихъ“. Фетлеръ пригла-

шаетъ всѣхъ соединиться и, не допуская никакихъ компромиссовъ, уступокъ, всецѣло отдаться на служеніе другимъ, подобно тому, какъ служили міру Апостолы послѣ Вознесенія своего Небеснаго Учителя на небо и какъ повѣствуетъ объ этомъ „чудная изъ всѣхъ историческихъ книгъ міра—книга Дѣяній Апостоловъ“.

„Соединяясь для духовной работы, мы хотимъ силою Божіей подражать дѣяніямъ апостоловъ“, почему и самое братство должно называться „Братствомъ Дѣяній Апостоловъ“. Члены этого „Братства“ должны заботиться не только о себѣ, о своемъ нравственномъ самоусовершенствованіи, но и о другихъ, даже о другихъ больше, чѣмъ о себѣ. Это воззваніе имѣло успѣхъ.

Многіе изъ присутствующихъ сразу же заявили о своемъ желаніи вступить въ это братство, и когда было напечатано данное воззваніе въ журналъ „Гость“ (№ 2, 1910 г.), изъ всѣхъ концовъ стали поступать сочувственныя заявленія съ просьбой зачислить членомъ „Братства“. Всѣ заявившіе свое желаніе вступить въ члены „Братства“ были зачислены, получивъ при этомъ особое „библейское имя“, напр.. брата Симеона, Нигера, Луція, Манаила, сестры Марѳы, Ноемини, Фивы и т. д.

Неизвѣстно, какъ функціонируетъ въ настоящее время это Братство—дѣйствительно ли члены его подражаютъ Апостоламъ? Или, быть можетъ и скорѣе всего, это „Братство“ такъ и осталось лишь на страницахъ журнала „Гость?“ Во всякомъ случаѣ баптисты дѣйствуютъ, говорятъ о совмѣстной и самоотверженной работѣ, а мы православные... бодрствуемъ ли?!

Баптисты вообще энергичны и предприимчивы. За последнее время многихъ поражаютъ частые случаи самоубійствъ и особенно „среди одинокихъ, ожесточенныхъ, съ

холодомъ въ сердцѣ учащихся“. Неутомимый Фетлеръ рѣшается „что-нибудь сдѣлать“ и въ данномъ случаѣ: 20 января текущаго года онъ устраиваетъ собраніе для учащихся и обращается къ нимъ съ рѣчью на тему — „стоитъ ли жить?“ Рѣчь имѣла успѣхъ и скоро учащіеся соорганизовались въ особый кружокъ „Авенезеръ“ (камень помощи, см. I Цар. 7, 12). Членамъ этого кружка Фетлеръ предложилъ нѣсколько лекцій: загробная жизнь — положительная, свѣтлая; загробная жизнь — отрицательная, темная; три лекціи подъ общимъ заглавіемъ — Ап. Павелъ, или — изъ величайшаго грѣшника въ величайшаго служителя Божія; Богословіе Ап. Павла и др....

Баптисты всюду пропагандируютъ себя; организуютъ кружки, общества, а мы, православные?

---

8 Сентября прошлаго года въ Петербургѣ, на Васильевскомъ Островѣ, происходила торжественная закладка трехъ-этажнаго молитвеннаго дома баптистовъ. Домъ строится по плану и подъ надзоромъ архитектора Ильи Борисовича Калиберды. На постройку дома поступаютъ пожертвованія съ разныхъ сторонъ. Интересно посмотрѣть на списокъ пожертвованій: здѣсь встрѣчаются пожертвованія и въ 100 р., и въ 20 копеекъ; встрѣчаются и такія пожертвованія — золотые дамскіе часы и певичнэ, заготовки на башмаки и черные часы отъ матроса. Послѣдній пишетъ: „Денегъ у меня нѣтъ; но все лучшее мое достояніе, которое Богъ вѣриль въ мое личное распоряженіе, я съ радостью отдаю вамъ“.

Пожертвованія поступаютъ и на помощь заключеннымъ, для бѣдныхъ, на бесплатную разсылку журнала „Гость“ и т. д. А у насъ, у православныхъ?!

Т. Олейниковъ.

Псаломщики.

Условія современной жизни, ея требованія отъ служителей церкви, многосложныя обязанности причта, его положеніе на виду у всѣхъ и многое прочее заставляеть взглянуть въ себя и на себя и на нашихъ ближайшихъ помощниковъ-псаломщиковъ.

Псаломщикъ это есть членъ клира, священникоцерковно-служитель, носитель знамени вѣры и благочестія, непремѣнный участникъ въ совершеніи богослуженія, требъ и въ учительствѣ. Слова апостола „образъ будучи вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистою“, я думаю, если не полностью, то половиной относятся и къ псаломщику, какъ требованія воинскаго долга относятся въ большей степени къ офицеру и въ меньшей—къ рядовому. Офицеръ и рядовой дѣлають одно дѣло, дышатъ однимъ духомъ, имѣють общій видъ, по всему видно, что это люди одного лагеря, однихъ цѣлей и задачъ; дѣлаемое однимъ съ тѣмъ же усердіемъ дѣлается и поддерживается другимъ. Тоже единство во всемъ видно и въ другомъ сословіи, не менѣе военнаго дисциплинированномъ и убѣжденномъ, это въ монашествѣ: здѣсь младшій во всемъ, начиная съ внѣшняго вида, похожъ на старшаго.

Но не то видно среди бѣлаго духовенства, начиная съ внѣшности. Видъ священника типичный, однообразный. Видъ же псаломщика до неудовимости разнообразенъ: господинъ въ самомъ модномъ костюмѣ съ неописуемымъ головнымъ уборомъ, господинъ въ синей поддевкѣ и лаковыхъ сапогахъ съ жокейской шапочкой на головѣ, спортсменъ на велосипедѣ, спортсменъ на конькахъ, охотникъ съ ружьемъ и собакой, франтъ съ сокольскимъ значкомъ на фуражкѣ, господинъ солиднаго купеческаго вида, господинъ въ костюмѣ Мармеладова и т. д. и т. д.,—все это русскіе православные пса-

ломщики. Я думаю, если бы собрать въ одну группу псаломщиковъ хотя бы одного уѣзда и предложить человѣку, не знающему ихъ, опредѣлить ихъ профессію по костюму, то здѣсь оказались бы денди, спортсмены, помѣщики, пролетаріи, лошадаики и все, что хотите, но ни одного псаломщика. Такъ пестра группа псаломщиковъ.

Свободный неформенный костюмъ есть вывѣска вкусовъ, занятій и склонностей. И точно: среди псаломщиковъ масса людей многихъ вкусовъ и занятій, нѣтъ только людей, занятыхъ своей прямой службой, а о преданныхъ дѣлу нельзя и говорить, хотя спѣшу оговориться—исключенія вездѣ есть.

Должность псаломщика считается чѣмъ то среднимъ между положеніемъ „безъ всякаго дѣла“ и „въ ожиданіи настоящаго дѣла“. Некуда, говорятъ, дѣваться, „нужно идти во псалмы“, а тамъ посмотримъ... И идутъ, идутъ безъ желанія, безъ умѣнья, часто даже нечего не умѣя, идутъ служить, а поступивши, представляютъ собой не помощь, а казнь для священника. Имѣющіе права, или энергію уходятъ, а большинство остается псаломщиками навсегда. Эти люди съ большими претензіями, ничѣмъ не сдерживаемые (кому охота доносить и судиться), живутъ и ведутъ себя, какъ имъ хочется, на потребу ихъ не сразу найдутъ, книги пишутъ не хотя и всегда поздно, все дѣлаютъ, какъ говорятъ, чрезъ пень колоду... Такіе псаломщики во время утрени, часовъ и проповѣди даже выходятъ изъ церкви курить и т. п. Такіе псаломщики часто высмѣиваютъ священниковъ и все духовное, ставя себя, якобы свѣтскими людьми въ духовномъ вѣдомствѣ, поневолѣ сюда загнанными. И точно они псаломщики только на службѣ, внѣ же службы они свѣтскіе люди, для которыхъ все доступно.

Не одинъ разъ писали и говорили, что для всего клира необходима одна общая форма—ряса и подрясникъ, какъ въ монашествѣ. И эта мысль неоспорима. Ряса, какъ фор-

ма, уже, сама по себѣ, выдаетъ званіе человѣка, заставляетъ быть скромнѣе, сдержаннѣе и воспрещаетъ доступъ во многія мѣста, куда безъ рясы свободный входъ.

Если человѣкъ рѣшается надѣть подрясникъ, или рясу, то изъ этого одного уже видна готовность къ нѣкому, можетъ быть, даже неохотному самопожертвованію и самоотреченію, каковыя качества современемъ обратятся въ привычку.

Форма, какі вѣвѣска званія и положенія, какъ узда, налагающая извѣстныя обязанности, принята всѣми учрежденіями и учебными заведеніями; только православные псаломщики представляютъ собой безформенную массу какихъ то всечеловѣковъ. Отъ этого происходитъ-то, что псаломщикъ свободно бываетъ тамъ, гдѣ даже нижнему чину воспрещено, и безнаказанно, подъ видомъ обывателя, дѣлаетъ то, за что нижній чинъ—вчерашній мужикъ—садится подъ арестъ. Какъ все это грустно и больно, и какъ все это вредитъ дѣлу!

Исчезъ типъ старыхъ псаломщиковъ, этихъ Андрейчей, Петровичей проплаго времени, этихъ людей въ подрясникахъ и съ косичками, составляющихъ предметъ насмѣшки нынѣшняго поколѣнія, но глубоко уважаемыхъ не только современниками, но даже многими и теперь. Это были люди глубоко убѣжденные и высоко цѣнившіе духовный санъ, службисты, дѣльцы и знатоки всего церковнаго дѣла. Многіе изъ служащаго духовенства уже пожилые, солидные и заслуженные люди—ученики этихъ старыхъ псаломщиковъ, ученики въ церковномъ уставѣ, службѣ и письменоводствѣ. Съ какой благодарностью они воспоминаютъ данныя имъ уроки! Гдѣ въ настоящее время псаломщики похожіе на старыхъ?

Необходимо воскресить типъ стараго псаломщика, и это воскрешеніе должно начаться съ внѣшности, съ формы.

У насъ существуетъ спеціальная школа псаломщиковъ, съ нея, мнѣ думается, и нужно начать вводить форму и т. д. до всеобщей обязательности. И для псаломщиковъ это будетъ нетрудно, не дико. Многіе пожилые псаломщики и теперь добровольно мѣняютъ гражданскій костюмъ на подрясникъ, мѣняютъ по разнымъ побужденіямъ: кто по убѣжденію, кто изъ экономіи (вѣдь форма гораздо дешевле и практичнѣй частнаго костюма), но все-таки мѣняютъ. А разъ есть добровольныя явленія желательнаго характера, то до обязательности ихъ остается уже не много.

Правда, форма въ видѣ рясы, или подрясника сначала многихъ остановитъ отъ вступленія во псаломщики, но о такихъ жалѣть не стоитъ, какъ не жалѣютъ о тѣхъ, кого ряса удерживаетъ отъ священства.

Форма тѣснѣе свяжетъ интересы причта, въ кольцо, связующемъ клиръ, не будетъ той щели, чрезъ которую псаломщикъ проникаетъ внутрь и внѣ: то онъ служитъ обѣдню, то играетъ на сценѣ, то идетъ съ крестнымъ ходомъ въ стихарѣ, то танцуетъ вальсъ, то онъ псаломщикъ, то мірянинъ, то, трудно разобрать, кто. Всякая форма, всякій мундиръ связываетъ людей, заставляетъ каждыя всегда помнить, что онъ членъ известнаго круга, имѣетъ обязанности, знаетъ дозволенное и недозволенное. Такъ должно быть и въ средѣ причтовъ.

Свящ. *М. Цокорскій.*

Гроза.

На зеленой полянѣ стараго сада стоялъ небольшой домикъ, обвитый гирляндами цвѣтовъ.

Передъ раскрытымъ окномъ его виднѣлись три молодыхъ человека и мальчикъ. Одинъ изъ молодыхъ людей въ учительскомъ мундирѣ, стоя около самаго окна, говорилъ:

— Нѣтъ, господа, я не боюсь ничего и не вѣрю ни-

Библиографическія замѣтки.

I. *Къ оживленію приходской миссіи. (Изъ опыта веденія курсовъ при Московскомъ Епархіальномъ Домѣ).*
Москва 1911 г. Книгоиздательство «Вѣрность».

Въ дѣлѣ благоустроенія приходской жизни особенно цѣнное значеніе имѣетъ организація народно-миссіонерскихъ курсовъ. Несмотря на то, что такіе курсы не предусмотрены „правилами объ устройствѣ внутренней миссіи“, утвержденными Св. Синодомъ по опредѣленію отъ 20—21 мая 1908 года, однако по духу и по способу устроенія они намѣчаются помннутыми правилами и, потому, устроятся во многихъ епархіяхъ. Въ брошюрѣ Московскаго Епархіальнаго миссіонера священника Іоанна Васильева подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ собраны тѣ данныя касательно устройства миссіонерскихъ курсовъ, которыя добыты имъ путемъ опыта устроенія такихъ курсовъ въ Москвѣ.

Въ первомъ отдѣлѣ брошюры сгруппированы свѣдѣнія касательно устроенія миссіонерскихъ курсовъ въ слѣдующихъ 12-ти отдѣленіяхъ: „что нужно для открытія курсовъ“, „что такое органическая миссіа“, „что такое народно-миссіонерскіе курсы“, „нужны ли народно-миссіонерскіе курсы въ такихъ приходяхъ, гдѣ вовсе нѣтъ сектантства“, „какимъ порядкомъ происходитъ открытіе курсовъ, къ кому обращаться за разрѣшеніемъ и нужно ли такое разрѣшеніе“, „каково можетъ быть ближайшее распредѣленіе курсовыхъ работъ“, „предметы преподаванія“, „въ какомъ объемѣ вести преподаваніе“, „руководства и пособія“, „каковъ долженъ быть методъ преподаванія“, „каковъ долженъ быть срокъ обученія на курсахъ“, „какъ вести курсы“. Во второмъ отдѣлѣ брошюры трактуется о свѣтовыхъ картинахъ, какъ вспомогательномъ средствѣ въ просвѣтительной и мис-

сіонерской діятельности приходскаго священника, именно: „что нужно для устройства чтеній съ свѣтовыми картинами“, „гдѣ брать картины“, „какъ возможно обезпечить приходскому священнику полученіе необходимыхъ для чтенія картинъ“, „гдѣ можно устраивать чтенія“, „къ кому обращаться за разрѣшеніемъ устраивать чтенія“, „программа чтеній“.

Въ концѣ брошюры помѣщены: 1) программа по обличенію сектантства для преподаванія на народно-миссіонерскихъ курсахъ и 2) примѣрная программа науки трезвости.

Какъ видно изъ изложеннаго содержанія брошюры миссіонера о. Васильева, она представляетъ собою не опытъ *исеологій* миссіонерства, а попытку записать то, что и по какимъ руководствамъ дѣлается на народно-миссіонерскихъ курсахъ въ Московской епархіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи брошюра свящ. Васильева можетъ быть полезна пастырямъ церкви при устроеніи народно-миссіонерскихъ курсовъ.

Ц. Миссіонерская памятка по вопросамъ вѣры и церкви, пререкаемымъ сектантами, съ краткими историческими свѣдѣніями о русскихъ сектахъ и ихъ вѣроученіи. Сосхавилъ и издалъ діаконъ І. Смолинъ. Ц. 50 к.

Цѣль изданной о діаконѣ Смолинымъ „миссіонерской памятки“ та, чтобы „дать руководство для начинающихъ миссіонерствовать и для ревнителѣй православія, въ которомъ была бы схема для бесѣдъ по различнымъ вопросамъ вѣры, пререкаемымъ сектантами, и въ которомъ имѣлись бы хотя краткія историческія свѣдѣнія о всѣхъ русскихъ сектахъ и ихъ вѣроученіи“. Отдѣльные листки—„памятки“ имѣютъ цѣлю служить пособіемъ для самостоятельнаго прохожденія курса начальныхъ миссіонерскихъ познаній и въ то же время—закладками для библіи на случай бесѣдъ съ сектантами. На

каждый предмет о. Смолинымъ напечатанъ особый листокъ въ 2 страницы, цѣна $\frac{1}{2}$ коп. за экземпляръ.

Отдѣльные листки — „памятки“ могутъ служить для раздачи тѣмъ православнымъ изъ народа, коихъ явится надобность укрѣпить въ томъ или иномъ предметѣ православнаго вѣроученія, а твердыхъ въ своемъ упованіи — вооружить на частную бесѣду съ сектантами, уклоняющимися отъ бесѣды съ пастыремъ или миссіонерами. „Миссіонерская же памятка“, какъ полный сводъ этихъ листковъ, можетъ быть съ большою пользою раздаваема слушателямъ народно-миссіонерскихъ курсовъ для закрѣпленія въ ихъ памяти тѣхъ свѣдѣній по обличенію сектанства, какія даны имъ на курсахъ.

Протоіерей *Евграфъ Овсянниковъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОХОРОННОЕ КОЛЯСКИНА

Большая Двор.

Пріемъ закововъ на похорон. процессіи по доступнымъ цѣнамъ.

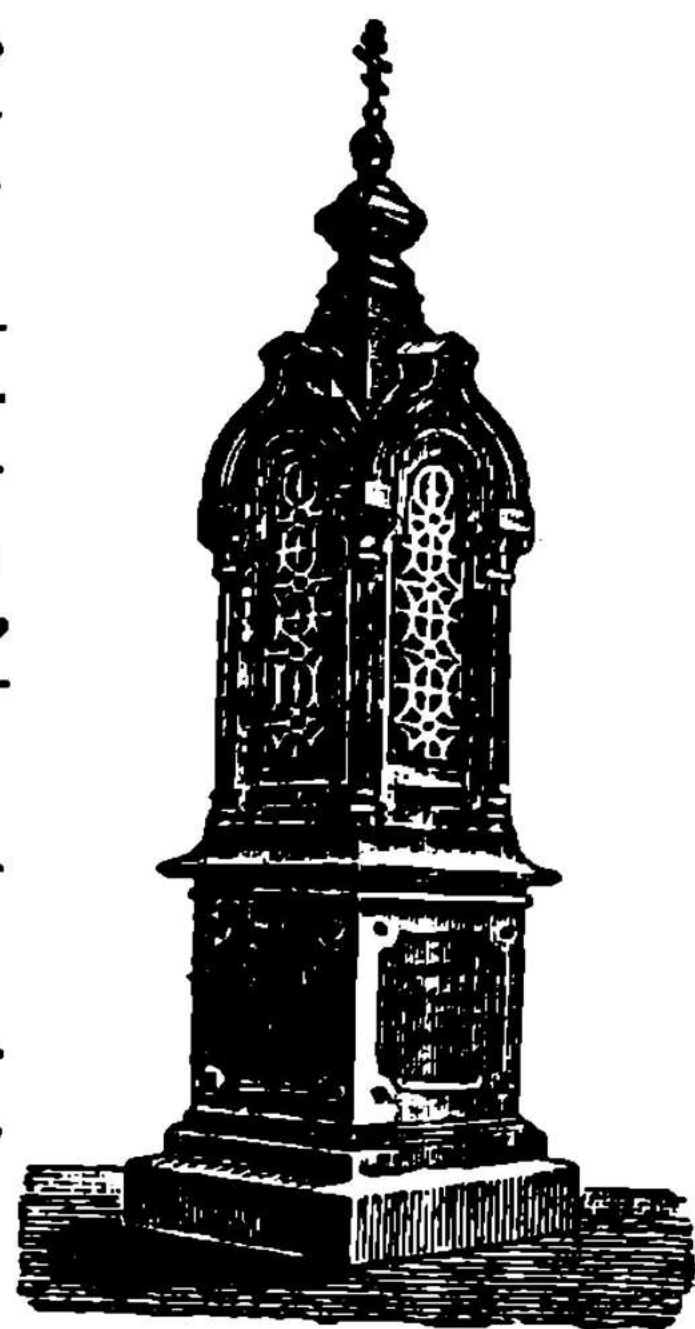
Имѣются въ большомъ выборѣ памятники мраморные, грапитные,

лабрадорные, чугунные часовни, кресты, намогильныя плиты — очень дешево мѣстнаго камня.

Собственная мастерская рѣшетокъ, часовень и болдахиновъ.

Ремонтъ и окраска всевозможныхъ кладбищенскихъ работъ подъ наблюденіемъ опытныхъ лицъ.

БЮРО

РОЯЛИ И ПИАНИНО

ПРИДВОРНЫХЪ ПОСТАВЩИКОВЪ

и знаменитѣйшихъ въ мѣръ фабрикъ

Бехштейнъ, Блютнеръ, Гетце, Бр. Дидерихсъ, Менцель, Оффенбахеръ, К. М. Шредеръ и др.

Допускается рѣзрочка
платежей.

ГРАММОФОНЫ

СОЛИДНОЙ КОНСТРУКЦИИ

ПОСЛЕДНИХЪ МОДЕЛЕЙ

въ 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 85,

110 руб. и дорожѣ.

Фабр. АКЦ. О-ва ГРАМОФОНЪ отъ 45 р.

БЕЗРУДОРНЫЕ отъ 40 рублей.

Сетьяя струны, ноты естья изданій, всевозмож. музыкальные струнные и металлич. инструменты.

ПАТЕ-ГРАММОФОНЫ съ мембраной, играющей какъ граммофонная, такъ и патефон. пластинки, отъ **18** р.

Колоссальный выборъ пластинокъ.

Каталоги—по требованію.

Музыкальный магазинъ „ЭХО“.

И. Г. ШУГАМЪ.

Воронежъ Больш. Дворянская д. Пуле

Телефонъ № 362.

И. М. ВОЛЬФЪ

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

лечение, пломбированіе зубовъ золотомъ, фарфоромъ и т. п.

Искусственные зубы по новѣйшему способу, удаленіе зубовъ
безъ боли.

В.—Дворянская, д. Русакова противъ Дворянской части.

Приемъ отъ 9 до 7 часовъ вечера.

Духовнымъ скидка. (44—52)

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Слово по случаю двухсотлѣтняго юбилея со дня рожденія Михаила Васильевича Ломоносова.—Священника *Александра Кременецкаго*.
Памяти Михаила Васильевича Ломоносова. (Стихотвор.)—*Татьяны Плохихъ*.
Памяти М. В. Ломоносова. (Стихотвореніе)—*В. Высоцкаго*
И. С. Никитину. (Стихотвореніе).—*Татьяны Плохихъ*
Мы призваны о жизни возмѣщать. (Стихотвореніе).—*Татьяны Плохихъ*.
О религіозно-нравственномъ воспитаніи въ ц.-приход. школь—*В. Н. Вы—каго*.
Прошлое и настоящее.—Священника *Иоанна Набивача*.
Ивъ жизни баптистовъ.—*Т. Олейникова*
Псаломщики.—Свящ. *М. Покорскаго*
Гроза.—*Михаила Линникъ ва*.
Библиографическія замѣтки.—Протоіеря *Евграфъ Овсянникова*.
Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Прот. *Николай Околовичъ*.

Печатать дозволяется. 13 ноября 1911 г. И. д. Цензора Прот. Г. Алферовъ.

Воронежъ. Типо-Лит. «Т-ва Н. Кравцовъ и К^о», В. Дворянская ул., д. Столь.